

А. А. ШАХМАТОВ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (БЫЛ ЛИ НАЧАЛЬНЫЙ СВОД НАЧАЛЬНЫМ?)

О. Л. Губарев

В статье рассматривается работа "Сказание о призвании варягов" А. А. Шахматова, выступающего в роли историка. Представлена схема аргументов, с помощью которых Шахматов, используя свой конъектуральный метод, хотел доказать первичность "Сказания...". Показан субъективный подход Шахматова к выделению в тексте «вставок», и его попытка путем выдвижения текстологических гипотез подтвердить заведомо априорное суждение. Продемонстрировано, что такой подход Шахматова к историческим фактам открывал дорогу различным маргинальным гипотезам, в частности, неoантинорманизму.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, историк, "вставки", субъективность, конъектуральный метод.

*«Гипотезы вытекают из необходимости
объяснений определенной
совокупности показаний источника...
Иначе обстоит дело с догадками –
простыми предположениями
о возможности того или иного...
Ясно, что в отличие от системы гипотез
система догадок неправомерна,
на них нельзя опираться
при дальнейших построениях»
Я. С. Лурье*

1. Историография вопроса.

Акад. Шахматов получил признание как лингвист, филолог и исследователь древнерусских летописей. Основные работы о нем, о его исследовательском методе посвящены его публикациям по реконструированию не дошедших до нас сводов и созданию стройной системы древнерусского летописания. Однако в последнее время система Шахматова, особенно его гипотеза о Начальном своде подвергается серьезной критике.

Причем критика эта ведется с разных позиций. За последнее время появилось много работ ученых, ставящих гипотезу о Начальном своде под сомнение исходя из соображений лингвистики [4, с.5-35, 1; с.105-129].

В. Ю. Аристов посвятил теории сводов Шахматова и его методу отдельную монографию [2]. Гипотезу Начального свода защищает и отстаивает А. А. Гип-

пиус [7, с.37-62], и по-прежнему признают другие историки, например, Д. А. Добровольский, С. М. Михеев и А. А. Горский [19, с. 43-61; 33, с. 45-59; 9, с. 104-109]. Довольно критически относится к построениям Шахматова Вовина-Лебедева в рамках обзора исследований русских летописей, хотя и отдает ему должное [5, с. 174-251].

Пока что, если не считать современную Шахматову критику его построений [21, с. 629-636; 23, с. 45-102; 3], появилось несколько статей, ставящих под сомнение сам метод работы Шахматова [37, с. 246-268; 8, с. 95-134]. Ранее, правда очень кратко, о методе Шахматова отрицательно высказался В. В. Мавродин.

"...Настал иной этап, когда историки так называемой "скептической школы" фактически упразднили древнее русское летописание, объявив все фантазией позднейших составителей... Даже

в тонкой, поистине ажурной, ювелирной работе Шахматова и его ученика М. Д. Приселкова чувствуется непомерное, нездоровое, граничащее со снобизмом, стремление во чтобы то ни стало построить свою гипотезу и даже в том случае, если указание летописи не вызывает никаких сомнений в его достоверности. Создается гипотеза, подчас заманчивая, всегда умело и остроумно аргументированная; делается вывод, на основании которого в свою очередь строится новая гипотеза; опять вывод, снова гипотеза, и так бесконечно и с не совсем ясной целью вьется кружево исторического исследования, кропотливого, обстоятельного, свидетельствующего об огромной эрудиции и... неясных стремлениях автора" [28, с. 66-67].

Хотя недоумения, связанные с гипотезой Начального свода, высказывались и ранее, Е. А. Мельниковой и И. Н. Данилевским было отмечено, что, признавая большую древность Начального свода, отраженного в НПЛ мл, по сравнению с ПВЛ, большинство историков восстанавливает исторический процесс в соответствии с сообщениями ПВЛ [30, с. 53; 17, с. 34-35]. И этот парадокс вполне объясним. Поскольку версия ПВЛ гораздо более логична и менее противоречива, использует документы неизвестные Начальному своду (договоры Руси с греками), подтверждающие именно эту версию [12, с. 32-49]. Версия ПВЛ, кажется, подтверждается и археологией. Во всяком случае, так считал археолог С. Л. Кузьмин, специалист по истории Старой Ладogi.

"Изгнание "варягов из-за моря" нашло свое археологическое проявление в сожжении Ладogi около 865 г. а приход датского конунга Рерика-Рюрика – в скандинавских материалах горизонта E1" [25, с. 57].

С. Я. Сендерович, хотя и признает метод Шахматова, но пишет об ограниченности шахматовской перспективы и внутренней противоречивости метода

Шахматова по отношению к древнейшему летописанию [38, с. 470-473].

Выводы Шахматова сильно повлияли на историю Древней Руси. Работ о Шахматове как историке немного. И это в основном не научные статьи, а панегирики, посвященные памяти Шахматова [35, с. 136-140; 10, с. 268-282]. Характерно, что в сборник статей, издаваемый к 150-летию со дня рождения академика Алексея Александровича Шахматова не вошла ни одна статья, посвященная вкладу Шахматова в древнерусскую историю. И это понятно, поскольку Шахматов не был профессиональным историком.

Тем не менее, исследования Шахматова не ограничивались изучением древнерусских летописей. Как говорит о нем Вовина-Лебедева: "Шахматов существовал в двух ипостасях: как лингвист и как специалист по летописям. В последнем варианте он со временем все больше склонялся в сторону собственно истории. Историк, по-видимому, прорастал в нем в течение всей жизни" [5, с. 181].

С. Ф. Платонов выделил основные экскурсы Шахматова в область ранне-средневековой истории: "К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей" (1899), "Сказание о призвании варягов" (1904), "Корсунская легенда о крещении Владимира" (1906), "Южные поселения вятичей" (1907) и "Древнейшие судьбы русского племени" (1919) и в своем докладе, выдержанном в панегирическом стиле и посвященном памяти Шахматова, назвал его выдающимся историком [35, с. 136]. Хотя на самом деле, как я уже сказал выше, Шахматов профессиональным историком не был.

В своих работах, так или иначе связанных с историей Древней Руси, Шахматов идет от своих летописных гипотез и реконструированных им гипотетических сводов к истории и, опираясь на свою схему древнерусского летописания, приходит к важным и далеко идущим историческим выводам. Тщательный современный анализ источников и архео-

логия, показывают, что те выводы, которые он делает, часто далеки от реальности и поэтому сомнения вызывает та исходная база, которую он использует, чтобы прийти к этим выводам.

Меня, поскольку я не лингвист и не филолог, всегда интересовала историческая составляющая работ Шахматова, особенно его исследование под названием "Сказание о призвании варягов" [42, с. 185-231].

Именно эта его работа, позволила антинорманистам заявлять, что русь и варяги-скандинавы это два разных этноса, что открывало двери для любых маргинальных гипотез о происхождении Руси. Термин "русь" я пишу, как это принято, с маленькой буквы, когда речь идет не о земле, или государстве, а об этносе.

Данная статья будет посвящена в основном исторической работе Шахматова "Сказание о призвании варягов".

2. "Конъектуральный" метод Шахматова в приложении к историческим исследованиям ("Сказание о призвании варягов").

Шахматов разработал свой метод научных исследований в ходе работ над изучением древнерусских летописей. А. В. Горовенко подверг метод Шахматова, использованный им в изучении древнерусских летописей, жесткой критике [8, с. 95-134].

В своих историко-филологических работах Шахматов использует тот же исследовательский прием (см. выше отзыв Мавродина). Он занимается построением смелых гипотез, строя одну гипотезу на основании другой, которую после своей аргументации, считает доказанной и уже воспринимает ее как реальное основание для выдвижения следующих гипотез.

Шахматов постоянно пользуется приемом поиска "вставок" из более поздних или более ранних по времени сводов.

Ранее я уже говорил о том, что метод Шахматова основывается на двух неявных допущениях [13, с. 115-118].

1. Летописец был скорее литературным работником, угождавшим

князьям и писавшим по их заказу в соответствии с политическими требованиями момента. «Рукой летописца водили не отвлеченные представления об истине, а мирские страсти и политические интересы» [41, с. 16].

2. Раннесредневековый монах-летописец должен был обладать логичным и рациональным мышлением современного человека. Поэтому все встречающиеся в тексте летописи несоответствия, противоречия, неясности можно выделить как позднейшие "вставки" и очистить от них текст летописи, восстановив его в первоначальном виде.

Если эти неявные допущения, взятые в качестве предпосылок, на которых основывался метод Шахматова неверны, то мог ли он как историк получить правильные выводы?

Оба эти допущения являются аксиомами, нигде явно не рассматриваемыми, и Шахматовым никак не доказаны. То, что они существуют в неявном виде показано рядом исследователей, подвергающих критике именно эти аксиомы Шахматова. Среди критиков наиболее интересны работы И. П. Еремина [20, с. 36] и С. А. Бугославского [3, с. 281-290].

Что касается первого неявного допущения, то Еремин собирает вместе разбросанные по исследованиям Шахматова и Приселкова места, характеризующие древнерусского летописца и позволяющие воссоздать его образ, наметенный неявно Шахматовым и уже доработанный, и отчетливо выступающий в работах Приселкова.

"Прожженный политик, хитрый дипломат, в руках которого история – послушный материал, из которого можно слепить что угодно, – таков летописец у Приселкова; он "остроумно и осторожно "мистифицирует порою читателя (стр. 27), "умышленно" переставляет события (стр. 281), "придумывает" заведомо ложные факты (стр. 35), "извращает", если это ему почему-либо нужно, действительный порядок событий (стр.36); он – "придворный историограф" (стр. 37), "в

угоду" своему высокому заказчику, – которому недешево "продал свое перо" (стр. 36), всегда готовый поступиться своими убеждениями, готовый написать все, что только от него потребуют" [20, с. 37-39].

Вырисовывается образ, прямо скажем не слишком положительный, свойственный скорее современному "бойцу информационной войны", чем ранне-средневековому монаху, отчитывавшемуся перед Богом, как считает Данилевский [15, с. 145-159].

Гораздо более реальный образ возникает согласно историкам, учитывающим раннесредневековую монастырскую реальность.

"Действительный летописец, каким он рисуется нам на основе реально дошедшего до нас текста „Повести временных лет“, ничего общего с ним [образом созданным воображением Шахматова и Приселкова – *О. Л. Губарев*] не имеет; он неизмеримо проще, он не так хитер, не так обуреваем "политическими страстями", как в этом пытаются нас уверить; он, вопреки общепринятому мнению, гораздо ближе к пушкинскому Пимену; "не мудрствуя лукаво", правдиво описывал он все, что знал, что считал необходимым рассказать" [20, с.38].

Относительно второго неявного допущения Данилевский замечает: "Вся школа Пушкинского Дома настаивает на том, что люди Древней Руси – это вполне современные люди, просто заброшенные в то время. У Лихачева есть такая фраза, мол, мышление летописца было точно таким же, как у нас" [18, с. 10].

Фактически Данилевский ставит под сомнение метод Шахматова по поиску и выделению "вставок": "остаётся вопрос: неужели летописец, внесший такую "правку" в первоначальный текст, а также его многочисленные редакторы и переписчики не замечали возникших противоречий? Или же они не воспринимались как противоречия? Утвердительный ответ на последний вопрос (или хотя бы допущение такового) с неизбежностью должен поставить перед нами

проблему цельного объяснения выявленных внешних разногласий источников" [16, с. 52].

А вот что говорит по этому поводу Бугославский: "А. А. Шахматов целесообразно связывает установление текста старых летописных сводов с генеалогией последующих сводов, но в установлении взаимоотношения списков он не опирается на всю совокупность вариантов позднейших списков «Повести временных лет», а исходит чаще всего из анализа смысла, связи, логики автора, нередко усваивая последнему свое мышление. Другими словами, он применяет методы преимущественно *конъектуральной* критики. Шахматов предъявляет к летописцу чрезмерно повышенные требования строгой логичности, последовательности мышления; *он не допускает у него возможности противоречий, забывчивости, неумения синтаксически ясно построить свое изложение. Шахматов предполагает у каждого редактора-переписчика наличие безупречного литературного мастерства, законченности формы, стиля и четких формулировок.* Если летописец не отвечает какому-либо из этих требований, Шахматов, усматривает в его тексте позднейшую вставку или искажение" [3, с. 283].

Таким образом оба допущения, на которых основывается у Шахматова метод выделения "вставок", оказываются неверными. И, кроме того, приходится отметить крайнюю субъективность Шахматова при поиске этих, так называемых, "вставок".

3. Схема аргументов Шахматова, доказывающих непервоначалность "Сказания о призвании варягов".

Схема Шахматова при работе с источниками выглядит так.

Сначала он заявляет, что "Сказание о призвании..." непервоначально. Об этом говорит заголовок первой главы его исторического исследования. То есть цель исследования – продемонстрировать непервоначалность "Сказания о при-

звании..." заявлена сразу. Теперь такое утверждение нужно как-то доказать.

1. Начинает Шахматов доказывать этот тезис, анализируя то место ПВЛ, где летописец отождествляет русь и варягов. Далее он находит в космографическом введении место близкое по смыслу к "Сказанию...". Используя текстологический анализ, Шахматов пытается доказать, что в дружине Олега были варяги и словене, еще в Новгороде прозававшиеся русью. Он выделяет в "Сказании..." так называемую "позднюю вставку", используя текст Комиссионного списка.

2. Далее он рассматривает историю Комиссионного списка. Шахматов считает, что Комиссионный список близок к Новгородской летописи, которая отразилась в Софийской 1-й (и 2-й), а также в Новгородской 4-й летописи. Вся глава заполнена текстологическими изысканиями Шахматова по поводу источников Комиссионного списка. Он восстанавливает *гипотетический* памятник, обрывающийся на 1074 г., исключая из Комиссионного списка все, что восходит к Новгородской 4-й, и получает, как он считает, текст свода 1421 г. Далее, если из *реконструированного* таким образом *гипотетического* свода исключить то, что восходит к списку сходному с Синодальным, а также к *редакторским дополнениям* самого сводчика 1421 г, то, по мнению Шахматова, получится текст интересующего его памятника, обрывающегося свои сообщения на 1074 г. Я привел здесь только часть его рассуждений и гипотез и догадок, в которых легко запутаться. Все это нужно Шахматову чтобы прийти к следующим выводам: Комиссионный список ведет к тексту *гипотетического* свода 1421 г., а путем этого свода – к особому *гипотетическому* памятнику, обрывающемуся на 1074 г.

3. Теперь Шахматов переходит к рассмотрению *гипотетического* памятника, обрывавшегося на 1074 г. и послужившему, по его мнению, при составлении свода 1421 г. главным источ-

ником. Именно этот памятник он и называет Начальным Киевским сводом.

Он выделяет отличия этого свода от ПВЛ и заявляет о его большей древности, чем ПВЛ. Анализируя Начальный свод, Шахматов путем все того же текстологического анализа выделяет из него Древнейший летописный свод, в котором не было хронологической сетки.

В заключение этой части своего исследования Шахматов излагает схему древнерусского летописания, *какой она ему представляется*. "В Новгороде, *по видимому* до 1043 г., был составлен рассказ о древних судьбах этого города в связи, *конечно*, с южными событиями, имевшими характер общерусский. В середине XI в., *быть может* еще во времена Ярослава, этот рассказ вошел в соединение с южными сказаниями и преданиями и образовал вместе с ними Древнейший летописный свод, отличавшийся от последующих сводов, между прочим, отсутствием каких бы то ни было хронологических определений, *по крайней мере в древнейшей своей части*. В конце XI в. в Выдубицком монастыре составлен был памятник, который называем Начальным Киевским сводом; в основание его был положен предшествующий летописный свод, дополненный вставками, *между прочим*, хронографических статей и хронологических определений, заимствованных из Палеи. Начальный Киевский свод был главным источником ПВЛ" [42, с. 199].

4. В следующей главе Шахматов рассматривает две редакции ПВЛ.

5. А затем кратко говорит о том, что эти две редакции ПВЛ легли в основу более поздних сводов.

Зачем ему нужна была вся эта сложнейшая текстологическая мозаика?

6. Следующая часть озаглавлена Шахматовым как "Первоначальный вид "Сказания о призвании варягов"". Все это, по его мнению, дает возможность *восстановить* текст Начального свода по Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи. Но поскольку, по его мнению,

этот текст подвергся влиянию со стороны Новгородской 4-й нужно из него *удалить наносы* со стороны Новгородской 4-й летописи. Далее он перечисляет то, что должно быть удалено и не могло читаться в Начальном своде. Все это было нужно, чтобы восстановить первоначальный *гипотетический* вид "Сказания...".

7. Далее Шахматов приводит реконструированные им *гипотетические* тексты "Сказания".

А. Начальный Киевский свод.

Б. Первая редакция ПВЛ.

В. Вторая редакция ПВЛ. Г. Новгородский гипотетический свод 1421 г.

Д. Общерусский летописный свод 1423 г. (Владимирский полихрон).

Е. Новгородский свод 1448 г.

Ж. Новгородская 4-я летопись.

З. Комиссионный список Новгородской 1-й летописи.

8. Шахматов переходит к *предположению* (никак не доказанному – О.Л. Губарев) о существовании в древности народных сказаний, которые, *по его мнению*, легли в основу трех древних версий "Сказания о призвании варягов".

9. Потом он рассматривает смысл и происхождение этих *гипотетических* преданий.

10. Наконец, Шахматов переходит к литературной обработке *гипотетических* преданий о призвании варягов.

На этом историко-филологическое исследование Шахматова, имеющее столь далеко идущие последствия, заканчивается следующим заключительным выводом: "Таким образом, вместо прежнего исходного начала для суждения о *варяго-руссах*, вместо текста ПВЛ, мы имеем теперь перед собою: во-первых, новгородское *сказание* о призвании князей из варягов, *не смешиваемых с русью*, сказание, предполагающее как мы видели, народное *предание* о приглашении в Киев наемной варяжской дружины; во-вторых, *работу* киевского летописца, отождествившего варягов с русью; и за этой *работой* мы видим народное, киевское *предание* об иноземном, варяжском

происхождении руси, – *предание*, не дававшее притом никаких хронологических указаний на время появления руси в Южной России" [там же, с. 231].

Необходимо заметить, что в этой работе Шахматова отсутствует раздел, относящийся к истории вопроса. Ведь не первооткрыватель же был Шахматов в области истории Руси IX в. Были и до него исследователи "варяжского вопроса" в истории Древней Руси и литература эта весьма обширна, но в работе Шахматова она не приводится, причем даже те работы, что посвящены варяжским русам. Шахматов не упоминает ни одной работы своих оппонентов и не приводит их доводы. С этой точки зрения его исследование напоминает работы Л. Н. Гумилева, о ненаучности которых писали многие, в т.ч. Л. С. Клейн.

Вот мнение Клейна: в обществе существует убеждение, "что специалисты по предмету (этносу и т. п.) не могут судить о больших проблемах науки (как этногенез), что тут вправе разворачивать свои блестящие идеи мыслитель, *свободный от обременительных знаний и правил*. И в этом, мол, величие таких ученых, как Л. Н. Гумилёв. Увы, блестящие идеи таких мыслителей строят не науку, а мифы" [24, с. 8].

Это высказывание Клейна вполне может быть отнесено к Шахматову как историку. Оно перекликается с приведенными ниже в настоящей статье словами Шахматова о *необходимости для исследователя освобождения от оков фактов и о пользе обобщений*.

Я специально упростил схему Шахматова, опустив подробные текстологические рассуждения, оставляя их лингвистам и филологам, поскольку я не филолог и анализирую работу Шахматова с точки зрения историка. Кроме того, я везде вставил термин "гипотетический", когда речь идет о построениях Шахматова, поскольку очень легко забыть, что все это только *плоды воображения*, пусть и доказываемые с помощью *гипотез, предположений и догадок*,

а не реальные документы. Кроме того, в рассуждениях Шахматова особая роль отводится *гипотетическим* народным преданиям и сказаниям. По выражению П. В. Лукина некоторые авторы, цитируя избыточные сведения поздних по времени источников, "готовы объяснить их «избыточные» сведения с помощью универсальной отмычки – гипотезы об их устном (фольклорном) происхождении" [27, с. 50].

Отдельные места, указывающие на предположения и догадки, я выделил курсивом. А теперь я хочу рассмотреть исторические аргументы Шахматова в защиту его выводов.

4. Примеры субъективности Шахматова в поиске доказательств.

Меня будет интересовать в основном первая часть исследования Шахматова, в которой он ставит задачу для дальнейших разысканий. Говоря о непервоначальности "Сказания..." Шахматов рассуждает следующим образом: "...неясно, кто собственно, был призван на княжение словенами, кривичами, чудью и весью – варяжские или русские князья..." [42, с.185]. Непонятно, почему Шахматову это не ясно. Ведь в летописи однозначно и не один раз указывается на тождество руси с варягами.

При этом русь упоминается среди скандинавских народов, в перечне которых не хватает данов, а среди других прибрежных народов не упомянуты фризы, что давно наводит ученых на мысль, что летописец отождествлял русов не просто с варягами, но с данами и фризскими.

Шахматов устраняет это нежелательное для него отождествление варягов с русью следующим образом: "Правда, летописец отождествляет русь и варягов, но он делает это *так неловко*, что позволяет *заподозрить* в замечании о тождестве варягов и руси *позднейшую вставку*... Слова к руси... тако и си русь" *имеют характер вставки*, нарушившей первоначальную нить рассказа, по-

ведовавшего о призвании варягов" [там же, с. 185].

Ввод в научный оборот аргумента о "неловком" отождествлении летописцем руси и варягов относится к часто используемой Шахматовым субъективной оценке тех или иных действий летописца.

Но такую догадку о "вставке" нужно как-то аргументировать. Тем более что во всех источниках русь достаточно прозрачно отождествляется с варягами. (В той же НПЛ мл, в которой по версии Шахматова отразился Начальный свод, читаем: «И от тѣх Варяг, находник тѣх, прозвашася Русь, и от тѣх словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжска» [34, с. 106].

Шахматовым выдвигается следующий сомнительный аргумент: "Действительно, если русь тождественна с варягами и, если словенские и чудские племена обратились именно к руси, *отчего было не сказать*: " И идоша за море к руси"?" [42, с. 185].

В. М. Истрин говорил как будто специально об этом случае: "Нельзя летописцу предписывать, чтобы он следовал нашему плану" [23, с. 56].

А насчет *подозрений* о "вставках" в текстах древних документов В. Ф. Минорский отметил, что "одним подозрением нельзя удалить слов, стоящих в рукописи" [32, с. 19-28].

Таким образом, еще до проведения самого исследования Шахматов намечает тот вывод, к которому исследование должно прийти. А именно, что варяги и русь – это два разных этноса.

А вот и другой пример. Шахматов, натолкнувшись на фразу "и от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новгородыци, ти суть людье ноугородыци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни" [36, с. 18], рассуждает: "неясно именно, в какой связи находится замечание о том, что новгородцы, бывшие прежде словенскими, теперь принадлежат к роду варяжскому (смысл этого замечания?), с предыдущим указанием: "и от тѣхъ Варягъ прозвася Рускаа земля" [42, с. 186].

Этого достаточно, чтобы сделать далеко идущий вывод, легший в основу всего последующего исследования. "Имея таким образом *возможность заподозрить* в тексте сказания вставку, с другой – *необходимость заключить об искажении* первоначального смысла фразы, только что нами приведенной, мы *не можем признать* текст сказания в том его виде, в каком он читается в ПВЛ, первоначальным" [там же, с. 2-3].

А смысл этого замечания, на мой взгляд, понять достаточно легко. С учетом того, что русь составили даны, то есть те же варяги, и что эта русь осела в Новгороде, или точнее, в Рюриковом городище, это замечание летописца вполне отвечает реальности. Словене, естественно, никуда не исчезли, просто летописец подчеркнул, что на смену прежнему чисто славянскому населению пришли русы Рюрика. И тогда все рассуждения о непервоначальности "Сказания..." повисают в воздухе.

Идем далее. Шахматов переходит к Космографическому введению в ПВЛ. Его оставляет в недоумении то, что Русь названа в летописи среди варяжских народов, живущих на Западе, а потом среди народов Восточной Европы. Не в состоянии объяснить это противоречие он, ссылаясь на С. А. Геденова, заявляет, что указание летописца, что Рюрик привел с собой "всю русь" нельзя понимать в буквальном смысле [там же, с. 186].

Однако гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского прекрасно объясняет реминисценции летописца к истории данов Рёрика на Западе, ставших позже на Востоке русами. Причем после убийства Готфрида, родича Рёрика, в 885 г. и избиения оставшихся на Западе и не ушедших с Рёриком немногочисленных норманнов, можно уверенно сказать, что с Рёриком ушла вся будущая "русь".

Шахматов подчеркивает, что его гипотеза позволяет поддержать мнение Д. И. Иловайского, что легенда является "дружинно-династической" и не заставляет славян "призывать к себе для гос-

подства целый чуждый народ" [22, с. 301]. То, что Рюрик пришел не с целым народом, а с дружиной "многой и предивной", скорее всего, действительно соответствует истине. Но это дает возможность анти-норманистам заявлять, что русь и варяги это два разных народа, а отсюда следуют все маргинальные гипотезы о нескандинавском происхождении Руси.

В главе 3 о Начальном Киевском своде Шахматов приводит очередное доказательство большей древности НПЛ мл, чем ПВЛ.

"Так в интересующем нас памятнике отсутствуют договоры с греками. Так в нем не читаются, ни даже в самых кратких извлечениях, следующие сказания: легенда об Андрее Первозванном, сказание о смерти Олега, о четвертой мести Ольги (сожжение Искоростеня), о поединке отрока Переяслава с печенежским богатырем, об осаде Белгорода печенегами, о начале Печерского монастыря. Вообще же летописный текст ПВЛ не сокращается, приводится полностью.... следовательно, *невероятно допустить*, чтобы наш памятник был извлечением из ПВЛ... Против такого предположения говорит и то, что этот памятник представляет ряд чтений, не оправдывающихся ни одним из списков ПВЛ: ср. особенно под 945, 955, 971, 983, 986 и 988 гг., где найдем несколько *тяжелых, несуразных в синтаксическом отношении оборотов*, не встречающихся в ПВЛ" [42, с. 197].

Далее Шахматов сам перечисляет те несуразности, которые содержит НПЛ мл по сравнению с логичной и цельной версией ПВЛ, что Олег оказывается воеводой Игоря, а не князем; что Игорь не остался малолетним после смерти отца и т.д. (мне уже доводилось отмечать, что сторонниками концепции существования Начального свода была допущена оговорка что, «хотя в целом первичность НПЛ по сравнению с ПВЛ на этом участке [сообщении о Призвании варягов] кажется более вероятной ... однозначных свидетельств этого вроде бы нет

(имеющиеся расхождения между текстами могут объясняться по-разному)» [14, с. 218-261]. Некоторыми историками сделаны наблюдения о вторичности новгородских летописных сообщений об Олеге и Игоре по сравнению с ПВЛ [12, с. 36, 40-41].

Например, Мельникова перечисляет все те многочисленные противоречия и несоответствия, которые содержатся в тексте НПЛ мл и задает справедливый вопрос: «почему и на основании каких источников автор ПВЛ восстановил более достоверную историческую последовательность событий, если текст ПВЛ на этом участке вторичен по отношению к Начальному своду» [30, с. 53]. Здесь возможны только два ответа. Первый – что в действительности именно текст ПВЛ является более древним по сравнению с НПЛ мл. Второй – который делает Мельникова, что автор ПВЛ использовал более древний, чем Начальный свод, неизвестный нам источник, который точнее излагает события того времени. Но если первый ответ понятен сам по себе, то второй требует дополнительного допущения, и поэтому менее вероятен.

А. С. Щавелев в попытке поддержать гипотезу Начального свода Шахматова считает, что «объяснять почему Олег назван в договоре 911 г. «великим князем» нужды нет, это – просто славянский перевод его титула в оригинальном греческом тексте, где Олег обозначался как «великий архонт»». И делает вывод, что «славянский перевод начала XII в. договора 911 г. не может дать ответ был ли Олег «князем» или «воеводой» в X в.» [43, с. 53].

В тексте НПЛ мл Олег назван воеводой Игоря. «И бысть у него воевода, именем Олегъ, муж мудръ и храборъ» [34, с. 107]. Но в тексте договора Олега с греками нигде не упомянут настоящий великий князь Игорь, а ведь именно его в соответствии с сообщениями НПЛ мл греки должны были бы назвать «великим архонтом». Тогда мы должны предположить, что греки ошибочно «великим

архонтом» назвали простого воеводу, заключавшего договор. Не слишком ли много допущений требует такая аргументация?

Но для Шахматова эти несуразности и противоречия только подтверждение большей древности версии НПЛ мл. Непонятно, как более древняя и близкая к событиям летопись могла быть менее соответствующей действительности, чем более поздняя.

Кстати, тут же сам Шахматов приводит чтения в НПЛ мл и ПВЛ, противоречащие его гипотезе о большей древности НПЛ мл. В НПЛ мл сказано: "И всташа град на град", в то время как в ПВЛ в том же месте сказано "всташа род на род".

Шахматова не удивляет упоминание "градов" в древнем Начальном своде, при том, что в ПВЛ их нет. Вместо них упоминается конфликт между «родами». Хотя составитель ПВЛ был не склонен преуменьшать масштаб этой уособицы и как-либо смягчать ее описание. И навряд ли бы стал переделывать уособицу между укрепленными центрами в ссору между «родами». Скорее наоборот – в НПЛ мл, для которой менее характерно, чем в ПВЛ упоминать роды, роды были переделаны в города.

«Да и выражение ПВЛ "въста родъ на родъ"» по мнению Д. А. Мачинского, выглядит архаичнее, чем "въсташа град на град" НПЛ мл, от которого веет более поздней реальностью» [29, с.35].

Правда не вполне ясно, какое значение имеет слово «род» в выражении «всташа род на род» – этническое (словене, меря, весь кривичи) или большой семьи в родоплеменном обществе (последнего тоже отрицать не приходится).

Если род в данном случае упоминался во втором значении, то версия ПВЛ опять же оказывается более предпочтительной, поскольку как ранее говорит сам Шахматов, восточные славяне в отличие от более развитых южных жили родоплеменным строем.

Аргумент, что новгородский летописец не мог сократить ПВЛ, удалив произвольно часть эпизодов, поскольку в остальном он следует версии ПВЛ, очень слабый. Т. Л. Вилкул убедительно продемонстрировала, что если новгородский сводчик мог свободно обращаться с исходными текстами, то мог и сократить текст ПВЛ [4, с. 5-35]. И тогда аргументы Шахматова не работают. Об этом же писал Д. А. Мачинский, говоря о "Сказании о призвании варягов".

"Весь этот рассказ в НПЛ мл носит следы явного сокращения, нарушающего логику эпического предания, более полно представленного в ПВЛ. Здесь не упомянуты ни русь в числе этносов, приглашающих Рюрика, ни "вся русь", которую привели с собой братья" [29, с. 35].

Для справедливости следует отметить, что Шахматов поддерживал гипотезу о происхождении имени Русь от финского *ruotsi*.

В части, где Шахматов извлекает из реконструированных им гипотетических версий "Сказания о призвании варягов" народные предания, он делает бездоказательные утверждения следующего рода: "*не подлежит сомнению*, что в основании трех древних версий сказания лежат не выдумки, не ученые теории, а народные предания" [42, с. 214]. Хочется спросить, а, собственно, почему это не подлежит сомнению?

Путем текстологических изысканий с использованием его метода выделения поздних вставок, Шахматову удастся подтвердить совершенно ложное, как показала дальнейшая историография и археология, предположение, что русы не принадлежат к числу варяжских народов. Варяжские народы в летописи перечислены: "Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свей (шведы), а иные норманы и англ, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались" [36, с.18].

То есть русь – это варяги, скандинавы. Этот факт в настоящее время не ставится под сомнение никем, за исклю-

чением небольшого числа неоантиноманистов. Литература о скандинавском (по-древнерусски варяжском) происхождении русов огромна. Привести ее всю здесь невозможно. Вот только некоторые примеры [11, с. 33-41; 44, с. 27-37; 26, с. 43-87; 31, с. 24-39].

5. Выводы без достаточного основания.

Там, где Шахматов говорит об обработке литератором-летописцем преданий о призвании варягов, он по выражению Истрина "усваивает ему собственный план". То есть рассуждает о том, как и о чем должен был думать летописец, вводя тот или другой эпизод, изменяя летопись по своему желанию.

Вот пример такого рассуждения: "Географические познания сводчика, обстоятельно изложенные в его космографическом введении, отразились в следующих особенностях переработанного им Сказания о призвании варягов. Начальный свод сообщал, что Синеус сел на Белеозере, но на Белеозере сидит весь... следовательно, *заклучал составитель ПВЛ*, весь принимала участие в призвании варягов и была ими в свое время обложена данью; отсюда вставка веси как в сообщение о дани, взимавшейся варягами, так и в известие о посылке к варягам за князем" [42, с. 226].

И так везде в этой части Шахматов рассказывает о соображениях летописца, о том, о чем он должен был, *по его мнению*, думать, вставляя или убирая или изменяя тот или этот эпизод. Вся эта часть исследования Шахматова наполнена умозрительными рассуждениями о том, что должно было заставить летописца переработать Начальный свод тем или иным способом. Шахматов в этой главе своей работы постоянно нарушает логический закон достаточного основания, утверждая, но ничего не доказывая.

В работе Шахматова имеет место "игнорирование закона достаточного основания, возведенное в принцип" [8, с. 110]. Он только постоянно ссылается на свои ранее проведенные текстологиче-

ские изыскания, тем самым запутывая читателя окончательно.

Горовенко приводит высказывание Шахматова о том, что он исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны и считает, что *разработка этих положений равносильна их доказательству*. И это не оговорка. В одной из своих рецензий Шахматов писал, что "исследователю необходимо иной раз скинуть с себя оковы кажущихся очевидными фактов и прибегнуть к научным обобщениям" [40, с. 338]. Таким образом субъективный подход к работе с историческими фактами не случаен, а получает у Шахматова обоснование.

Утверждение о том, что русь не принадлежала к варягам, к варяжским народам, открывало дорогу любым маргинальным гипотезам в области истории Древней Руси. И конъектуральный (по определению Бугославского) метод Шахматова-историка нашел своих последователей.

"Действительно, в работах Шахматова и построенной им схеме истории русского летописания много уязвимых мест, о чём хорошо известно всем, кто занимался этим предметом. Это сознавали ученики Шахматова – историки (так сложилось, что именно историки стали его первыми последователями), это всегда понимали и филологи" [6, с. 5].

Важной частью исторической науки является работа с источниками. Шахматов, во-первых, опирается на нелетописные источники, такие как археологические находки скандинавских монет, названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, сообщения арабов о Руси и т.д. Это вполне законно, но он не приводит факты и не делает ссылки, что для ученого необходимо чтобы подтвердить свое мнение, а заключает умозрительно, что "*не подлежит сомнению, что в IX, а быть может, уже и в VIII в. скандинавы сделали Россию предметом своих набегов, а также торгово-промышленной эксплуатации*" [42, с. 216].

Во-вторых, Шахматова не устраивают поздние списки летописей, так как они говорят не то, что ему нужно. Поэтому с помощью текстологической обработки источников он конструирует собственные гипотетические своды. Шахматов заявляет, что "*предыдущее исследование дает нам возможность восстановить первоначальный текст сказания*. Мы приводим его по Начальному своду (также в *восстановленном* виде), *отмечая скобками* то, что по указанным выше соображениям *не читалось* в основном древнейшем виде сказания" [там же, с. 207]. То есть в *гипотетическом* реконструируемом своде он еще и вставляет в скобках то, что *отсутствовало по его мнению* в этом своде! И отсылает читателя в качестве аргументации *ко всему предшествующему тексту*, не делая конкретно ссылок на доказательства, приведшие его к таким выводам.

В-третьих, Шахматов использует внеисточниковое знание, делая чисто умозрительные заключения. Например, он утверждает без всяких доказательств, что "*оставаясь на поверхности чуждого им племенного быта, варяги не смешивались с местным населением* и не входили в его жизнь. Совсем иную роль *должны были* играть варяги на юге: *городская и волостная жизнь* предполагает выделение из общей массы населения таких элементов, которые при племенном быте не могут выдвинуться с достаточной определенностью; воины и купцы, необходимые одни для защиты от внешних врагов, другие для внутренних и внешних торговых сношений, решительным образом нарушают древний племенной уклад, тем более что, по самому характеру своих занятий, они охотно пополняют свои ряды пришлыми, иноземными элементами" [там же, с. 217].

То есть делается целый ряд очень важных утверждений, никак их не доказывая, не делая ссылок на работы предшественников. Поэтому данные рассуждения являются чисто умозрительными и напоминают литературное

произведение. Вот как Шахматов работает с историческими источниками. И это, как было сказано выше, сближает его с Гумилевым.

И, как следствие, далее следует мнение неоантиноманиста В. В. Фомина:

"По оценке академика А. А. Шахматова, "здравая критика, внесенная в понимание" Сказания о призвании варягов "Эверсом, Костомаровым, Геденовым, Иловайским и другими, *показала всю шаткость основания, на котором строили свое здание норманисты*" [39, с. 86].

А далее следовал поиск Руси анти-норманистами среди балтийских славян, восточных славян, роксолан и т.д. Фак-

тически вся история Древней Руси приобрела под пером Шахматова совершенно другой вид.

И поэтому неудивительно, что, отдавая должное Шахматову как выдающемуся филологу, признавая сомнительную гипотезу о Начальном Киевском своде, тем не менее, абсолютное большинство историков пользуется в своих работах версией ПВЛ, как наиболее связной и достоверной, и более отвечающей реальному историческому процессу.

Остается задать себе вопрос: так мог ли быть т.н. "Начальный свод", *начальным*, т.е. более древним, по отношению к ПВЛ?

Список источников и литературы

1. Аристов В. Ю. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. №1. 2013. С. 105-129.
2. Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. Киев, 2018. – 316 с.
3. Бугославский С. А. Повесть временных лет // *Текстология Древней Руси*. Том 1. Повесть временных лет / Бугославский С.А. / М. : Языки славянских культур, 2006. С. 281-312.
4. Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // *Palaeoslavica*. Vol. 11. 2003. С. 5-35.
5. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011. – 927 с.
6. Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // *Российская история*. № 4. 2019. С. 3-27.
7. Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 37-62.
8. Горовенко А. В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // *Novogardia*. № 2 (6). 2020. С. 95-134.
9. Горский А. А. Русско-византийские договоры X в. и проблема Начального свода // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. №2(84), 2021. С. 104-109.
10. Готье Ю. В. Шахматов - историк // *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук*. 1920. Т. XXV. Пг., 1922. С. 268-282.
11. Губанов И. Б. «Призвание варягов» в свете социально-исторических аналогий, внешнеполитической ситуации в Европе IX века, и археологических материалов из городищ Любши, Старой Ладogi, Псковского и Рюрикова городища // *Скандинавские чтения 2012 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты* / Отв. ред. Т.А. Шрадер; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 33-41.
12. Губарев О. Л. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (К вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования Древнерусского государства) // *Novogardia*, №1, 2019. С. 32-49.
13. Губарев О. Л. Рюрик Скъьльдунг. СПб.: Евразия, 2019. – 288 с.
14. Губарев О. Л., Несин М. А. Рюрик и протогосударственные образования в восточнославянских землях (рец. на Лушин В.Г. Варяги «из заморья», летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» // *Историко-археологический сборник. Зимовники*, 2020. С.53-75; Лушин В.Г. Предгосударственные образования на восточнославянских зем-

лях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020. С. 76-88) // Novogardia. №4 (12), 2021. С. 218-261.

15. Данилевский И. Н. «Добру и злу внимая равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России. №,3(6). 1995. С. 145-159.

16. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект-пресс. 1998. – 399 с.

17. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс. 2004. – 370 с.

18. Данилевский И. Н. «Все уже сказано» – вовсе не открытие постмодерна, такая же точно установка была у летописца // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. Т. 2. № 2. 2017. С. 7-16.

19. Добровольский Д. А. Начальная летопись как источник по истории коллективного самосознания Древней Руси // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 27. С. 43-61.

20. Еремин И. П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета. 1947.

21. Завитневич В. З. [Рец. на кн:] Присёлков М. Д. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913 // Труды Киевской Духовной академии. Апрель. Киев, 1914. С. 629-636.

22. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Типография Грачева. 1876. – 466 с.

23. Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. 1921. Т.26. Пг., 1923. С. 45-102.

24. Клейн Л. С. Трезво о Льве Гумилеве: ответ критикам // Троицкий вариант, 10 (79) 24 мая 2011. С. 8.

25. Кузьмин С. Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения в память Анны Мачинской. СПб. 2003. С. 45-57.

26. Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus № 5. 2014. С. 43-87.

27. Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. – 608 с.

28. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства // Издательство государственного ордена Ленина университета. Л.: 1945. – 432 с.

29. Мачинский А. Д. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Староладожский сборник. Вып.10. 2013. С. 18-51.

30. Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 47-75.

31. Мельникова Е. А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник. Т. 1, № 148. 2012. С. 24-39.

32. Минорский В. Ф. 1964. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М.: Наука. С. 19-28.

33. Михеев С. М. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (31) . 2008. С. 45-59.

34. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. [Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1950.

35. Платонов С. Ф. А. А. Шахматов как историк // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1920. Т. XXV. Пг., 1922. С. 136-140.

36. Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. – 540 с.

37. Прохоров Г. М. Мыслящие «фикциями». 1. А. А. Шахматов // Г. М. Прохоров Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое / М.: Институт русской цивилизации, Издательство Олега Абышко. СПб., 2014. С. 246-268.

38. Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии / С. Я. Сендерович // Из истории русской культуры / сост. В. Я. Петрухин. М.: Т. 1. 2000. С. 470-473.

39. Фомин В. В. Дореволюционные антинорманисты глазами "советских антинорманистов" // Гуманитарные исследования Центральной России, № 1(10), 2019. С.85-94.

40. Шахматов А. А. Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации [Рец.] // Изв. Отд-ния русского языка и словесности Император. Акад. наук. 1915. Т. XX., кн. 3. С. 332-358.

41. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания. Т. 1. Пг.: издание Археографической комиссии. 1916.

42. Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. кн. 2. Раннее русское летописание XI-XII гг., 2003. С. 185-231.

43. Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М.: Аквилон, 2020. – 560 с.

44. Lind Jh. The Importance of Varangian Traditions for East-West Collaboration and Confrontation in the 12th – 13th centuries // Birgitte Fløe Jensen & Dorte Wille-Jørgensen (eds), Expansion – Integration? Danish-Baltic contacts 1147-1410 AD, Vordingborg. 2009. P. 27-37.

Губарев Олег Львович – независимый исследователь, историк, (г. Санкт-Петербург, Россия), LvovichG@rambler.ru

A. A. SHAKHMATOV AND THE HISTORY OF ANCIENT RUS' (WAS THE PRIMARY CODEX ORIGINAL?)

O. L. Gubarev

This article examines the work "The Tale of the Calling of the Varangians" by A. A. Shakhmatov, who presents himself as a historian. A schematic of the evidence Shakhmatov used, using his conjectural method, to prove the non-originality of the "Tale..." is presented. Shakhmatov's subjective approach to identifying "insertions" in the text is demonstrated, as is his attempt to confirm a priori judgments by proposing textual hypotheses. It is demonstrated that Shakhmatov's approach to historical facts paved the way for various marginal hypotheses, particularly neo-anti-Normanism.

Keywords: A.A. Shakhmatov, historian, "insertions", subjectivity, conjectural method.

References

1. Aristov V. Yu. Svod, sbornik ili khronika? (o kharaktere drevnerusskikh letopisnykh pamyatnikov XI–XIII vv.) [A Compilation, a Collection, or a Chronicle? (On the Nature of Old Russian Chronicle Monuments of the 11th–13th Centuries)] // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. No. 1. 2013. pp. 105-129. (In Russ.)

2. Aristov V. Yu. Aleksej Shakhmatov i rannee letopisanie. Metod, skhema, traditsiya [Alexei Shakhmatov and Early Chronicle Writing. Method, Scheme, Tradition]. – Kiev, 2018. – 316 p. (In Russ.)

3. Bugoslavskij S. A. Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years] // Tekstologiya Drevnej Rusi. Tom 1. Povest' vremennykh let [Textology of Ancient Rus'. Volume 1. The Tale of Bygone Years] / Bugoslavskij S.A. – Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. pp. 281-312. (In Russ.)

4. Vil'kul T. L. Novgorodskaya pervaya letopis' i Nachal'nyj Svod [The Novgorod First Chronicle and the Initial Compilation] // Palaeoslavica. Vol. 11. 2003. pp. 5-35. (In Russ.)

5. *Vovina-Lebedeva V. G.* Shkoly issledovaniya russkikh letopisej: XIX-XX vv. [Schools of Research on Russian Chronicles: 19th-20th Centuries]. – Saint Petersburg, 2011. – 927 p. (In Russ.)
6. *Vovina-Lebedeva V. G.* Ugasshij mir drevnerusskikh letopisej: vzglyad segodnya [The Vanished World of Old Russian Chronicles: A View Today] // *Rossijskaya istoriya* [Russian History]. No. 4. 2019. pp. 3-27. (In Russ.)
7. *Gippius A. A.* Do i posle Nachal'nogo svoda: rannyya letopisnaya istoriya Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and After the Initial Compilation: The Early Chronicle History of Rus' as an Object of Textological Reconstruction] // *Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th–10th Centuries: An Archaeological Panorama]. – Moscow; Vologda, 2012. pp. 37-62. (In Russ.)
8. *Gorovenko A. V.* Aleksej Shakhmatov: chelovek-metod ili prelyubodej mysli? [Alexei Shakhmatov: Man-Method or Adulterer of Thought?] // *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. pp. 95-134. (In Russ.)
9. *Gorskij A. A.* Russko-vizantijskie dogovory X v. i problema Nachal'nogo svoda [Rus'-Byzantine Treaties of the 10th Century and the Problem of the Initial Compilation] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. No. 2 (84), 2021. pp. 104-109. (In Russ.)
10. *Got'e Yu. V.* Shakhmatov - istorik [Shakhmatov as a Historian] // *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossijskoj Akademii Nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences]. 1920. Vol. XXV. – Petrograd, 1922. pp. 268-282. (In Russ.)
11. *Gubanov I. B.* «Prizvanie varyagov» v svete sotsial'no-istoricheskikh analogij, vneshnepoliticheskoy situatsii v Evrope IX veka, i arkheologicheskikh materialov iz gorodishch Lyubshi, Staroj Ladogi, Pskovskogo i Ryurikova gorodishcha [“The Calling of the Varangians” in the Light of Socio-Historical Analogies, the Foreign Policy Situation in 9th-Century Europe, and Archaeological Materials from the Hillforts of Lyubsha, Staraya Ladoga, Pskov and Rurikovo Gorodishche] // *Skandinavskie chteniya 2012 goda: Ehtnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings of 2012: Ethnographic and Cultural-Historical Aspects] / Ed. by T.A. Shrader; RAN. MAEh im. Petra Velikogo (Kunstkamera). – Saint Petersburg: MAEh RAN, 2014. pp. 33-41. (In Russ.)
12. *Gubarev O. L.* Tak byl Oleg velikim knyazem Rusi ili voevodoj Igorya? (K voprosu o sootvetstvii rezul'tatov tekstologicheskikh issledovaniy po metodu A. A. Shakhmatova i issledovaniy istoricheskogo protsessa obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva) [Was Oleg a Grand Prince of Rus' or Igor's Voivode? (On the Question of the Correspondence between the Results of Textological Research by A. A. Shakhmatov's Method and Studies of the Historical Process of the Formation of the Old Russian State)] // *Novogardia*, No. 1, 2019. pp. 32-49. (In Russ.)
13. *Gubarev O. L.* Ryurik Sk'jol'dung [Rurik Skjöldung]. – Saint Petersburg: Evraziya, 2019. – 288 p. (In Russ.)
14. *Gubarev O. L., Nesin M. A.* Ryurik i protogosudarstvennye obrazovaniya v vostochnoslavjanskikh zemlyakh (rets. na Lushin V.G. Varyagi «iz zamor'ya», letopisnaya legenda i arkheologicheskie dannye ob «ehpokhe Ryurika» // *Istoriko-arkheologicheskij sbornik. Zimovniki*, 2020. pp. 53-75; Lushin V.G. Predgosudarstvennye obrazovaniya na vostochnoslavjanskikh zemlyakh // *Istoriko-arkheologicheskij sbornik. Zimovniki*, 2020. pp. 76-88) [Rurik and Proto-State Formations in the East Slavic Lands (Review of Lushin V.G. The Varangians "from Overseas", the Chronicle Legend and Archaeological Data on the "Era of Rurik" // *Historical and Archaeological Collection. Zimovniki*, 2020. pp. 53-75; Lushin V.G. Pre-State Formations in the East Slavic Lands // *Historical and Archaeological Collection. Zimovniki*, 2020. pp. 76-88)] // *Novogardia*. No. 4 (12), 2021. pp. 218-261. (In Russ.)
15. *Danilevskij I. N.* «Dobru i zlu vnimaya ravnodushno...»? (Nravstvennye imperativy drevnerusskogo letopiststva) [“Gazing Indifferently at Good and Evil...”? (Moral Imperatives of the Old Russian Chronicler)] // *Al'fa i Omega: Uch. zap. O-va dlya rasprostraneniya Svyashch. Pisaniya v Rossii* [Alpha and Omega: Scholarly Notes of the Society for the Distribution of Holy Scripture in Russia]. No. 3 (6). 1995. pp. 145-159. (In Russ.)

16. *Danilevskij I. N.* Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lektzij [Ancient Rus' through the Eyes of Contemporaries and Descendants (9th–12th Centuries). A Course of Lectures]. – Moscow: Aspekt-press, 1998. – 399 p. (In Russ.)
17. *Danilevskij I. N.* Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source Study of Chronicle Texts]. – Moscow: Aspekt-Press, 2004. – 370 p. (In Russ.)
18. *Danilevskij I. N.* «Vse uzhe skazano» – vovse ne otkrytie postmoderna, takaya zhe tochno ustanovka byla u letopistsa ["Everything Has Already Been Said" – This Is Not a Discovery of Postmodernism at All; the Chronicler Had Exactly the Same Attitude] // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanij [Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies]. Vol. 2. No. 2. 2017. pp. 7-16. (In Russ.)
19. *Dobrovol'skij D. A.* Nachal'naya letopis' kak istochnik po istorii kollektivnogo samosoznaniya Drevnej Rusi [The Initial Chronicle as a Source on the History of Collective Self-Awareness of Ancient Rus'] // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noj istorii [Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History]. – Moscow, 2009. Iss. 27. pp. 43-61. (In Russ.)
20. *Eremin I. P.* «Povest' vremennykh let»: Problemy ee istoriko-literaturnogo izucheniya ["The Tale of Bygone Years": Problems of Its Historical and Literary Study]. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta, 1947. (In Russ.)
21. *Zavitnevich V. Z.* [Rets. na kn.:] Priselkov M. D. Ocherki tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoj Rusi X–XII vv. SPb., 1913 [Review of the Book: Priselkov M. D. Essays on the Church-Political History of Kievan Rus' in the 10th–12th Centuries. Saint Petersburg, 1913] // Trudy Kievskoj Dukhovnoj akademii. April' [Proceedings of the Kiev Theological Academy. April]. – Kiev, 1914. pp. 629-636. (In Russ.)
22. *Ilovajskij D. I.* Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Investigations on the Beginning of Rus'. In Lieu of an Introduction to Russian History]. – Moscow: Tipografiya Gracheva, 1876. – 466 p. (In Russ.)
23. *Istrin V. M.* Zamechaniya o nachale russkogo letopisaniya [Remarks on the Beginning of Russian Chronicle Writing] // IORYAS [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. 1921. Vol. 26. – Petrograd, 1923. pp. 45-102. (In Russ.)
24. *Klejn L. S.* Trezvo o L've Gumileve: otvet kritikam [Soberly about Lev Gumilev: A Reply to Critics] // Troitskij variant [Troitsky Variant], 10 (79) 24 maya 2011. p. 8. (In Russ.)
25. *Kuz'min S. L.* Pozhary i katastrofy v Ladoge: 250 let nepreryvnoj zhizni? [Fires and Catastrophes in Ladoga: 250 Years of Continuous Life?] // Ladoga – pervaya stolitsa Rusi. 1250 let nepreryvnoj zhizni. Sed'mye chteniya v pamyat' Anny Machinskoj [Ladoga – The First Capital of Rus'. 1250 Years of Continuous Life. The Seventh Readings in Memory of Anna Machinskaya]. – Saint Petersburg, 2003. pp. 45-57. (In Russ.)
26. *Lesman Yu. M.* Skandinavskij komponent drevnerusskoj kul'tury [The Scandinavian Component of Old Russian Culture] // Stratum plus No. 5. 2014. pp. 43-87. (In Russ.)
27. *Lukin P. V.* Novgorodskoe veche [The Novgorod Veche]. – Moscow: Indrik, 2014. – 608 p. (In Russ.)
28. *Mavrodin V. V.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [The Formation of the Old Russian State] // Izdatel'stvo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta. – Leningrad, 1945. – 432 p. (In Russ.)
29. *Machinskij A. D.* Pochemu i v kakom smysle Ladogu sleduet schitat' pervoj stolitsej Rusi [Why and in What Sense Ladoga Should Be Considered the First Capital of Rus'] // Staroladozhskij sbornik [Staraya Ladoga Collection]. Iss. 10. 2013. pp. 18-51. (In Russ.)
30. *Mel'nikova E. A.* Ryurik i vzniknovenie vostochnoslavyanskoy gosudarstvennosti v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI – nachala XII vv. [Rurik and the Emergence of East Slavic Statehood in the Representations of Old Russian Chroniclers of the 11th – Early 12th Centuries] // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2005 god. Ryurikovichi i Rossijskaya gosudarstvennost' [The Earliest States of Eastern Europe. Year 2005. The Rurikids and Russian Statehood]. – Moscow, 2008. pp. 47-75. (In Russ.)

31. *Mel'nikova E. A.* Normanny i dany, rus' i varyagi: skandinavcy na zapade i vostokey Evropy [Normans and Danes, Rus' and Varangians: Scandinavians in the West and East of Europe] // *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. Vol. 1, No. 148. 2012. pp. 24-39. (In Russ.)
32. *Minorskiy V. F.* 1964. Kuda ezдили drevnie rusy? [Where Did the Ancient Rus' Travel?] // *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoj i Tsentral'noj Evropy* [Oriental Sources on the History of the Peoples of Southeastern and Central Europe]. Vol. 1. – Moscow: Nauka. pp. 19-28. (In Russ.)
33. *Mikheev S. M.* Otrazhenie Nachal'noj letopisi v Novgorodskoj I letopisi mladshego izvoda [The Reflection of the Initial Chronicle in the Novgorod First Chronicle of the Younger Recension] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of Medieval Studies]. No. 1 (31). 2008. pp. 45-59. (In Russ.)
34. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Recensions]. [Ed. and with a preface by A. N. Nasonov]; Akad. nauk SSSR. In-t istorii. – Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950. (In Russ.)
35. *Platonov S. F. A. A.* Shakhmatov kak istorik [A. A. Shakhmatov as a Historian] // *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossijskoj Akademii Nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences]. 1920. Vol. XXV. – Petrograd, 1922. pp. 136-140. (In Russ.)
36. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years] / Podg. teksta D. S. Likhacheva. – Moscow; Leningrad, 1950. – 540 p. (In Russ.)
37. *Prokhorov G. M.* Myslyashchie «fiktsiyami». 1. A. A. Shakhmatov [Thinkers in "Fictions". 1. A. A. Shakhmatov] // *G. M. Prokhorov Drevnerusskoe letopisanie. Vzgl'yad v nepovtorimoe* [Old Russian Chronicle Writing. A Look into the Unique] / Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii, Izdatel'stvo Olega Abyshko. – Saint Petersburg, 2014. pp. 246-268. (In Russ.)
38. *Senderovich S. Ya.* Metod Shakhmatova, rannee letopisanie i problema nachala russkoj istoriografii [Shakhmatov's Method, Early Chronicle Writing and the Problem of the Beginning of Russian Historiography] / S. Ya. Senderovich // *Iz istorii russkoj kultury* [From the History of Russian Culture] / comp. V. Ya. Petrukhin. – Moscow: Vol. 1. 2000. pp. 470-473. (In Russ.)
39. *Fomin V. V.* Dorevol'yutsionnye antinormanisty glazami "sovetskikh antinormanistov" [Pre-Revolutionary Anti-Normanists through the Eyes of "Soviet Anti-Normanists"] // *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noj Rossii* [Humanities Research of Central Russia], No. 1 (10), 2019. pp. 85-94. (In Russ.)
40. *Shakhmatov A. A. D. K. Zelenin.* Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnenebnykh soglasnykh v svyazi s techeniem pozdnejshej velikorusskoj kolonizatsii [Rets.] [D. K. Zelenin. Great Russian Dialects with Inorganic and Non-Transitional Palatalization of Velar Consonants in Connection with the Course of Later Great Russian Colonization [Review]] // *Izv. Otd-niya russkogo yazyka i slovesnosti Imperator. Akad. nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. 1915. Vol. XX., Book 3. pp. 332-358. (In Russ.)
41. *Shakhmatov A. A.* Povest' vremennykh let. Vvodnaya chast'. Tekst. Primechaniya. T. 1 [The Tale of Bygone Years. Introductory Part. Text. Notes. Vol. 1]. – Petrograd: izdanie Arkheograficheskoy komissii, 1916. (In Russ.)
42. *Shakhmatov A. A.* Skazanie o prizvanii varyagov [The Legend of the Calling of the Varangians] // *Shakhmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya. T. 1. Povest' vremennykh let i drevnejshie russkie letopisnye svody. kn. 2. Rannee russkoe letopisanie XI-XII gg.* [History of Russian Chronicle Writing. Vol. 1. The Tale of Bygone Years and the Earliest Russian Chronicle Compilations. Book 2. Early Russian Chronicle Writing of the 11th-12th Centuries], 2003. pp. 185-231. (In Russ.)
43. *Shchhavelev A. S.* Khronotop derzhavy Ryurikovichej (911–987 gody) [The Chronotope of the Rurikid Realm (911–987)]. – Moscow: Akvilon, 2020. – 560 p. (In Russ.)
44. *Lind Jh.* The Importance of Varangian Traditions for East-West Collaboration and Confrontation in the 12th – 13th centuries // Birgitte Fløe Jensen & Dorthe Wille-Jørgensen (eds), *Expansion – Integration? Danish-Baltic contacts 1147-1410 AD*, Vordingborg. 2009. pp. 27-37.

Gubarev Oleg Lvovich – Independent Researcher, Historian, (St. Petersburg, Russia),
LvovichG@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 09.09.2026; принята к публикации: 22.09.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Губарев О. Л. А. А. Шахматов и история древней Руси (был ли начальный свод начальным?) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 3(17). – С. 114-131.

FOR CITATION:

Gubarev O. L. A. A. SHahmatov i istoriya drevnej Rusi (byl li nachal'nyj svod nachal'nym?) [A. A. Shakhmatov and the history of ancient rus' (was the primary codex original?)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 3(17). P. 114-131.